

НА ВРАЖЕСКОМ КУРСЕ

Л. ОСИПОВИЧ,
А. САШЕНКО

Недавно «Звезда», предъявляла театру им. Шевченко тяжелое обвинение в полнейшей творческой бесхребетности и беспринципности. Это обвинение целиком и полностью разделяют и многие работники самого театра. Сказать, что у нашего театра есть свое собственное, именно ему присущее творческое лицо, своя творческая методология — я не могу, — пишет в редакцию один из ведущих работников театра им. Шевченко. — Театр строил свой репертуар (а это ведь первый показатель), не базируясь, не сообразуясь с определенными политическими и творческими позициями, а узнавал, что ставят другие театры, что интересует того или иного режиссера. Отсюда беспринципность и полная творческая обезличка...».

В чем же корни подобной творческой обезлички старейшего на Украине национального театра? Что привело театр им. Шевченко к такому состоянию, которое его художественный руководитель, немало к этому причастный, охарактеризовал на одной творческой конференции следующими словами: «у нашего театра есть вчера, у него есть, может быть, завтра, но у него нет сегодня».

Да, надо констатировать, что в течение последних нескольких лет у театра им. Шевченко не было того «сегодня», которым живет вся наша страна, которым живет цветущая Советская Украина. В театре за эти годы царил атмосфера далекого прошлого, атмосфера старого провинциального театра, со всеми его штрихами, подонжанием, подхалимством и т. п. болезнями, которым не

должно и не может быть места в нашем советском театре. В театре же им. Шевченко эти болезни не только не изгонялись, наоборот, они тщательно культивировались, выращивались до опасных для жизни театра размеров. До творческих ли здесь было вопросов, до полнокровной ли творческой работы? И раздираемый минутными столкновениями, разедаемый подхалимством и склоками, разлагаемый всякими способами, — здоровый, в основном, коллектив скатился к полному творческому краху. В этом, собственно, и была цель врагов народа, долгое время возглавлявших в нашей области фронт искусства.

Бывший руководитель театрального треста знал, кому он поручает театр. Привезенные им из Самары Алексеев и Южанский заняли посты директора и художественного руководителя театра им. Шевченко.

Прошедшие школу врага народа, они применили все его методы «руководства», направленные на подрыв театра, на развал работы. Беспощадный зажим всякой критики, полное отсутствие самокритики, поощрение самого отвратительного подхалимства, выдвижение угодных и затирание, подчас прямое выживание из театра негодных, унижение человеческого достоинства актеров — вот такими методами руководители создали вокруг театра непроницаемую стену, за

которой были «тишь и гладь» и рапорты «об очередной победе».

К Алексееву и Южанскому примкнул и режиссер Иоффе, с легкостью хамелеона меняющий свою окраску, в зависимости от мнения и настроения «власть имущих», примкнул и еще кое-кто. И все эти люди выступали против тех, кто осмеливался их критиковать, разоблачать. Это они вынудили уйти из театра способного артиста Свищизкого, заставили «смириться» артистов Кордонского, Хорошуна, Домашенко, заставили молчать весь коллектив.

Обесцелив себя от критики, «руководители» не стеснялись запускать руку и в кассу театра. Почти все время своей работы Южанский получал две ставки — как режиссер и как актер, хотя не сыграл за это время ни одной роли. Две ставки получал и Иоффе, игравший очень немного. Иоффе умудрился даже получить авторские за «переделку» пьесы «Вий», хотя вся переделка заключалась в том, что он, как говорят в театре, «ввел вместо козы теленка».

Пользуясь близким в свое время знакомством с бывшими руководителями области, Иоффе терроризировал коллектив, навязывал ему свое мнe-

ние. А знакомство было действительно близким. Враги народа возили его в Киев, пели ему дифирамбы, создавали ему славу единственного в театре режиссера. Опьяненный потоком похвал, Иоффе сам уверовал в свои «исключительные» способности.

А по существу «исключительность» способностей Иоффе заключалась в том, что он умел выбирать «пьесочки - самоигралочки», копировать виденные в других театрах спектакли, что он умел, наконец, с апломбом заявлять «у меня спектакль пройдет». Иоффе не стеснялся пользоваться своим влиянием, чтобы «делать погоду» в театре, чтобы протолкнуть туда для работы своего старого друга — мажорного националиста.

Никакой общественной и политической жизни в театре не было. Когда во время прошлых гастролей в Ленинграде распоясавшиеся хулиганы - антисемиты, работавшие тогда в театре, избили работника, после этого ослепшего, Алексеев постарался «без шума» освободиться от этих людей, дав им возможность уйти от заслуженного наказания. Партийная и профсоюзная организации промолчали об этом.

В результате созданного этими

людьми положения театр пошел по заданному врагами курсу, «свернул на чужую дорогу, — как пишет автор цитированного выше письма. — С легкой руки Бортника, а затем Иоффе театр стал «синтетическим». Причем за последнее время эта «синтетичность» перешла в план старых бытовых «малороссийских» пьес».

Пересматривая сейчас всю деятельность Алексеева, Южанского, Иоффе и «иже с ними» в театре им. Шевченко, вспоминая их долготетную близость с разоблаченными врагами народа, невольно задаешь вопрос: случайно ли это?

Случайны ли «теории» Иоффе; случайно ли Южанский цитировал Нидше, предшественника Фашистской идеологии; случайно ли, что все это делалось с ведома и под покровительством Алексеева, который так горячо защищал в свое время врага народа.

Краснобай Южанский сейчас с работы снят. Но Алексеев и Иоффе еще возглавляют театр, еще имеют партийный и комсомольский билеты. Надо освободить от них старейший украинский театр, надо освободить от них ряды партии и комсомола. Театру им. Шевченко сейчас нужно другое — крепкое политическое и художественное руководство, которое смогло бы возглавить театр, работать над его ростом и укреплением.

Вот что требуют шевченковцы, вступаая в юбилейный год Октябрьской революции и в двадцатый сезон своего существования.